

УДК 94(47)"18/19"

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Р.Р. Идрисова

Аннотация

В статье на основе архивных материалов и законодательных документов рассматривается система контроля над деятельностью фотографических заведений, а также система их налогообложения в России во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется организации учета фотозаведений, регламентации их открытия и повседневной деятельности профессиональных фотографов.

Ключевые слова: фотография, Устав о цензуре, Главное управление по делам печати, промысловый налог, фотозаведение.

7 января 1839 года принято считать датой изобретения фотографии. В этот день Доминик Франсуа Араго сделал официальное сообщение на заседании Парижской Академии наук о новом способе фиксирования изображения. Слава изобретателя досталась Луи Жаку Манде Дагеру (1787–1851). Изобретатель увековечил себя, назвав свое творение дагеротипией.

Однако основоположниками фотографии наряду с Дагером считаются француз Жозеф Нисефор Ньепс (1765–1833) и англичанин Уильям Генри Фокс Талбот (1800–1877). Ньепс работал совместно с Дагером, но до официального обнародования изобретения не дожил. Талбот вел свои изыскания самостоятельно и в конце января 1839 г. сделал сообщение о результатах на заседании Королевского общества. Талбот дал своему изобретению название «калотипия», от греческого слова «калос» – красота [1, с. 9].

В России изобретением Дагера и Талбота заинтересовались ученые, и для ознакомления с калотипией в Лондон был командирован член Академии наук Иосиф Христианович Гамель. Он подробно описал метод Талбота в письмах, направленных в Академию в мае – июне 1839 г. Изучив их, химик и ботаник Ю.Ф. Фрицше 23 мая 1839 г. выступил на заседании Петербургской академии наук с «Отчетом о гелиографических опытах», который содержал исчерпывающий анализ процесса Талбота. К своему отчету он приложил несколько собственных снимков листьев различных растений, полученных им контактной печатью по способу Талбота. Эти **фотограммы Фрицше были первыми фотографическими изображениями, сделанными в России** [2, с. 150–151].

Если снимки посредством калотипии были получены учеными, то изготовление первого в России дагеротипа приписывается подполковнику Францу

Осиповичу Теремину, человеку далекому от академической среды. 8 октября 1839 г. он запечатлел на дагеротипе Исаакиевский собор, при этом выдержка составляла 25 минут. Это самое раннее известное сообщение о первой удаче русской дагеротипной съемки [3, с. 25].

Интерес к фотографии среди широких масс был настолько велик, что в Европе начинается настоящая дагеротипная лихорадка, которая охватила и российские города. Россию наводнили дагеротиписты-иностранцы. В Санкт-Петербурге одними из первых в 1840 г. открыли дагеротипное заведение на Никольской улице французские литографы Давиньон и Фоконье [4, с. 14], позже появились заведения немцев – Шенфельд, братьев Цвернер [5, с. 14]. В Москве первое дагеротипное заведение принадлежало московскому полиграфисту, выходцу из мелкопоместных дворян Ярославской губернии Алексею Федоровичу Грекову (1791–1851). Однако русских фотографов в начале 40-х годов было немного, большинство мастеров светописи были выходцами из Европы. В 1843 г. в Москве работали Михаил Покарт, Альфред Давиньон, Пешар, П. Баумберген и живописец Винтергалтер. Начиная с 1844 г. в Москву приезжает много иностранных мастеров дагеротипа. Из Вены прибыли замечательные мастера-дагеротиписты Генри Венингер и Готфрид Бардт. Близ Сретенского монастыря работали дагеротиписты-живописцы из мюнхенской академии Янка и Гартц. В декабре 1845 г. в Москве появился «Новооткрытый салон» Александра Германа Блюменталья из Берлина [6, с. 11].

Несмотря на то что на протяжении 40–50-х годов XIX в. увеличивалось количество как передвижных, так и стационарных фотографических заведений, их деятельность в этот период не подвергалась контролю со стороны государства. Однако в столичных городах их открытие, закрытие, продажа, переезд, совместное содержание, сдача в аренду с 1858 года были взяты под строгий контроль [7, с. 13]. Бурное развитие фотографии не только в столицах и губернских центрах, но и в уездных городах требовали внесения таких дополнений в законодательство, которые бы регулировали отношения в данной сфере деятельности.

Необходимость в упорядочении деятельности фотографов возникла практически с первых лет существования фотографии. Знаменитая поездка французского подданного Давиньона в Сибирь, запечатлевшего посредством дагеротипии ссыльных декабристов и привлекая внимание жандармских чиновников, показала, что фотографическую деятельность необходимо подвергнуть контролю цензуры. Однако до принятия специальных законодательных документов, регламентирующих этот вид деятельности, любые нарушения требовали отдельного рассмотрения. Так, казанский губернатор вынужден был обратить внимание на фотографические заведения после получения секретного циркуляра из Особой канцелярии министра внутренних дел. Согласно этому документу при следовании в ссылку в Сибирь политический преступник Гирдвойн во время пребывания в Казани в январе 1865 года сфотографировался в одном из фотографических заведений города вместе со своим конвойным. Министр внутренних дел, найдя подобные снимки недопустимыми, просил казанского губернатора сделать распоряжения об истребовании подписок от держателей фотографий в городах Казанской губернии по тракту в Сибирь лежащих, чтобы они

не допускали снимать в своих заведениях подобных портретов»¹ (НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2122. Л. 1).

Необходимо отметить, что деятельность фотографических ателье регламентировалась в двух аспектах. Во-первых, наряду с типографиями, литографиями, книжными магазинами и иными предприятиями, производящими принадлежности тиснения, фотографии подлежали цензорскому контролю со стороны государства, дабы ими не производилось ничего противозаконного. Во-вторых, как и любое торгово-промышленное предприятие, фотография подлежала налогообложению, ее владелец обязан был платить гербовый сбор, промысловый налог и осуществлять иные отчисления в казну.

Фотографы должны были в своей деятельности руководствоваться Уставом о цензуре или существовавшими дополнениями к нему. 14 мая 1862 г. вводятся высочайше утвержденные «Временные правила о надзоре за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями» (ВП). Как указывалось в § 14, «Настоящие правила имеют силу и действие впредь до окончательного утверждения и издания узаконенным порядком новых постановлений по делам цензуры и книгопечатания, коих составление возложено на Министерство народного просвещения» (ВП). Требования, предъявляемые к владельцам подобных заведений, были окончательно закреплены в высочайше утвержденном 6 апреля 1865 г. мнении Государственного Совета «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях», получившем силу закона в виде «Временных правил о цензуре и печати» (ПСЗ2, № 41990).

«Временные правила», вступившие в силу с 1 сентября 1865 г., состояли из трех разделов: «О Главном управлении по делам печати», «О повременных изданиях», «О типографиях, литографиях, металлографиях и заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, и о книжной торговле». После высочайшего утверждения мнения Государственного Совета Министерство внутренних дел разослало конфиденциальные послания начальникам губерний, разъясняющие положения вновь принятых «Временных правил о цензуре».

В соответствии с новыми «Временными правилами о цензуре и печати» все желающие открыть фотографическое заведение в столицах должны были получить разрешение от генерал-губернаторов, в губерниях же – от начальников губерний. В рекомендациях Министерства внутренних дел губернаторам предписывалось при выдаче свидетельств убедиться, что «выдаваемое дозволение включает в себе по возможности гарантии против важных злоупотреблений. Такие гарантии преимущественно предоставляются: во-первых, в возможности достаточного местного полицейского надзора и, во-вторых, в благонадежности лиц, коим выдается дозволение» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 3). Особо указывалось на то, что осуществление последующего полицейского контроля возможно организовать только «в губернских и в наиболее значительных уездных городах, но отнюдь не в селениях» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 3). Рекомендовалось, чтобы подобные заведения располагались на многолюдных центральных улицах, а не в глухих районах. Пристальное внимание следовало уделять определению

¹ Здесь и далее при цитировании материалов из источников сохраняется авторская орфография и пунктуация.

благонадежности лиц, желающих открыть фотографию, при этом к претендентам выдвигались следующие требования: чтобы «сии лица имели хотя бы некоторое общее образование, сверх специального знания своего дела», а также обладали «полною гражданскою правоспособностью» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 3).

После получения свидетельства фотограф обязан был воспользоваться своим правом на открытие заведения в течение двух лет, по окончании же этого срока, если заведение не было открыто, необходимо было получить новое свидетельство (ПСЗ2, № 41990, ст. 3). При передаче фотозаведения другому лицу новый владелец обязан был зарегистрировать его. В случае получения фотографии в наследство необходимо было в течение полугода реализовать свое право собственности: получить свидетельство на производство фотографических работ или передать фотозаведение другому лицу (ПСЗ2, № 41990, ст. 5). При смене местонахождения фотографического заведения также необходимо было сдать старое свидетельство и получить новое, в котором указывался новый адрес фотографии. Например, так поступил казанский фотограф Вениамин Антонович Гисси, когда закрыл заведение, располагавшееся на Проломной улице в доме Золина, и планировал продолжить работать уже в новом павильоне на Воскресенской улице в доме Некрасова. Его старое свидетельство было истребовано через казанского полицмейстера (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3867. Л. 17–20).

Фотографам вменялось в обязанность вести шнуровые книги, которые должны были быть скреплены «чиновниками, особо для сего назначенными от начальников губерний» (ПСЗ2, № 41990, ст. 21). В шнуровые книги вписывались имя, звание и место проживания покупателя. В случае отсутствия шнуровой книги или нарушения правил по её ведению виновные наказывались штрафом в размере «не свыше пятидесяти рублей» (ПСЗ2, № 41990, ст. 21).

Сведения обо всех фотографических заведениях в империи должны были ежегодно подаваться в Главное управление по делам печати. Наблюдение за работой фотографий было узаконено еще во «Временных правилах о надзоре за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями» 1862 г. и прописаны в § 12: «Для настоящего надзора за типографиями и за соблюдением настоящих правил, определяются в столицах, при управлении обер-полицмейстеров, особые чиновники, по прилагаемому при сем штату. В губерниях обязанности эти возлагаются на чиновников особых поручений при губернаторах» (ВП). Однако только после принятия «Временных правил» 1865 г. была разработана форма отчетности, которую необходимо было ежегодно направлять в Главное управление по делам печати (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 243. Л. 1).

Сводный документ, получивший название «Ведомость типографиям, литографиям и металлографиям, а также заведениям, производящим принадлежности тиснения в губернии», чиновник особых поручений обязан был сформировать до 1 октября. Кроме сведений о деятельности типографий и фотографий, в данной ведомости представлялась информация обо всех библиотеках и книжных магазинах, работавших в губернии. В ведомости необходимо было заполнить три графы: «Какое заведение и в каком городе» располагается, «Кому принадлежит», «Кем и когда разрешено открытие». В разделе «Примечания» надлежало указать, «подвергалось ли: за что, когда и какому именно взысканию какое-либо из поименованных заведений» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 243. Л. 2).

В ряде случаев требовалось указать заведения, которые прекратили свою деятельность или были переданы новым владельцам.

Первая известная «Ведомость», в которой представлена сводная информация о количестве фотографических заведений в Казани, была подготовлена и направлена в Главное управление по делам печати в 1868 г. (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1458. Л. 37 об. – 38). Однако следует заметить, что в первые годы действия новых цензурных установлений подготовка ведомостей не носила систематический характер. Так, за следующий 1869 год сводные данные о количестве фотографий в Казани отсутствуют. Подобная ситуация была характерна не только для Казанской губернии. В 1870 г. Министерство внутренних дел было вынуждено констатировать: «Циркуляром от 18-го мая 1866 года за № 1052 предложено было Гг. начальникам губерний доставлять в Главное Управление по делам печати точные сведения о существующих в каждой губернии типографиях, литографиях и т. п. заведениях, что и было своевременно исполнено. Затем в последующие годы лишь из некоторых губерний сообщались известия о вновь открываемых означенных заведениях, и вовсе не получалось известий о заведениях, прекративших свое существование, так что сведения, имеющиеся ныне в Главном Управлении вероятно, далеко не соответствуют действительному состоянию этой части в настоящее время» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 243. Л. 14). В связи с этим губернаторам было предложено «поручить кому следует вновь собрать точные сведения... о всех типографиях, литографиях, фотографиях, словолитнях и книжных магазинах и библиотеках для чтения, какие будут существовать к 1 числу будущего октября месяца во вверенной Вам губернии, и безотлагательно доставить оные в сказанное Управление, а затем возобновлять таковые сведения ежегодно к 1-му октября» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 243. Л. 14). Начиная с 1870 года ведомости представлялись ежегодно¹.

Результаты изучения документов за 1868–1912 гг., представленных в фонде Канцелярии казанского губернатора, позволяют заключить, что казанские фотографы практически не нарушали содержащиеся в Уставе о цензуре правила. Во всяком случае в рапортах чиновников особых поручений², составлявшихся по результатам осмотра фотографических заведений (проверялось наличие и корректность заполнения шнуровых книг, а также наличие клейм на фотографиях), преимущественно встречаются следующие заключения: «фотографии при выпуске с фотографических карточек и снимков выставляют свои клейма» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2969. Л. 1) или «поименованные заведения взысканиям и штрафам не подвергались» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6781. Л. 24).

В первое десятилетие после принятия Временных правил о цензуре и печати выдачей свидетельств на право производства фотографических работ занималось

¹ В НА РТ сохранились черновые копии ведомостей, подготовленных для представления в Главное Управление по делам печати, за 1870–1894, 1896, 1897, 1912 гг. (Фонд Канцелярии казанского губернатора), 1898, 1899 гг. (Фонд заведующего типографиями, литографиями, фотографиями, книжной торговлей и библиотеками для чтения в Казанской губернии). Сохранились также рапорты чиновников особых поручений, которые подавались губернаторам о подготовленных документах. В некоторых отчетах представлены только рапорты о представлении ведомостей, которые, вероятно, не были приобщены к делу. Таким образом, несмотря на отсутствие сводных документов за несколько лет, отчетная документация все же составлялась и представлялась в Главное Управление по делам печати. Последние рапорт и ведомость о фотографических заведениях в Казанской губернии, имеющиеся в Фонде Канцелярии казанского губернатора, относятся к 1912 г.

² В уездных городах инспектирование фотографических заведений осуществляли уездные исправники.

губернское правление. Каждый желающий открыть фотографическое заведение должен был подать прошение на имя губернатора, в котором необходимо было указать, кроме имени и фамилии просителя, его сословную принадлежность и место жительства, а также адрес будущего фотозаведения. Прошение подавалось на гербовой бумаге, позже с приложением гербовых марок. В случае несоответствия стоимости бумаги установленному гербовому сбору недоимка взыскивалась или же, напротив, переплата возвращалась через полицейское управление. Свидетельство также доставлялось фотографу чиновниками полицейского управления.

С 1880 г. ведением дел, связанных с выдачей свидетельств на право производства фотографических работ, занималась канцелярия губернатора (НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 509. Л. 141). В среднем срок рассмотрения прошения составлял около 1 месяца. В течение этого времени направлялись соответствующие запросы полицмейстеру «о нравственных качествах и поведении просителя» (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 281. Л. 2), в случае проживания последнего в уездном городе запрос направлялся уездному исправнику. Если проситель был приписан к другому региону, запрос направлялся в канцелярию губернатора той губернии, из которой прибыл податель прошения. Начиная с 1891 г. в соответствии с циркуляром министра внутренних дел от 29 ноября за № 4910 перед выдачей свидетельства необходимо было удостовериться в политической благонадежности просителя, о чем направлялся соответствующий запрос в Жандармское управление (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 281. Л. 4). Неблагоприятный отзыв Полицейского или Жандармского управления являлся основанием для отказа в выдаче свидетельства. Например, в 1913 г. ходатайство ивано-вознесенского мещанина Михеля Воликовича Готхарта об открытии фотозаведения было «оставлено без последствий» ввиду принадлежности заявителя к Нижегородской организации Российской социал-демократической рабочей партии (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5347. Л. 50–51). В случае если податель прошения не проживал по указанному адресу или же сведения о нем отсутствовали в полицейских органах, заявление также не рассматривалось. Основаниями для приостановки делопроизводства по вопросу выдачи свидетельства являлись также невыплата или лишь частичное погашение гербового сбора. При этом следует отметить, что случаи невыдачи свидетельств с такими объяснениями отказа были в рассматриваемый период довольно распространены. Например, по причине неуплаты гербового сбора разрешения на право производства фотографических работ в Казани не были выданы ишимскому мещанину П.И. Жилину (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4920. Л. 68) и симбирской мещанке Л.П. Мельниковой (НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4920. Л. 122).

После выдачи разрешения на право открытия фотозаведения соответствующие уведомления направлялись чиновнику особых поручений для обеспечения последующего контроля над его деятельностью и в Городскую думу для обложения билетным сбором. Кроме цензурных правил, фотографы в своей деятельности должны были руководствоваться Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов (ПСЗ2, № 41779).

В соответствии с Положением о пошлинах, утвержденным 9 февраля 1865 г., для занятия всеми видами промышленности и торговли необходимо было выкупить гильдейское или промысловое свидетельство. Гильдейское (купеческое)

свидетельство предоставляло права состояния, присвоенные купцам, и соответственно было двух видов: 1-й гильдии – для оптовой торговли и 2-й гильдии – для розничной. Промысловое свидетельство выдавалось на производство мелочной торговли. Наряду со свидетельствами были введены так называемые билеты на торговые и промышленные заведения (ПС32, № 41779, ст. 24). Содержатели аптек, фотографий, типографий и литографий облагались билетным сбором по местному окладу 2-й гильдии, размер которого зависел от класса местности. Например, в Казанской губернии в 70-х годах XIX века за получение подобного билета необходимо было уплатить «пошлины в казну за... билет 17 руб., на земские повинности 1 руб. 70 коп. и в доход города 1 руб. 70 коп.» (НА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 4753. Л. 638).

Система налогообложения торговых и промышленных заведений была изменена после принятия 8 июня 1898 года Положения о государственном промышленном налоге, в соответствии с которым все промышленные предприятия были разделены на 8 разрядов. Критериями для отнесения того или иного заведения к определенному разряду были количество работников и размеры предприятия. В соответствии с новыми требованиями фотографические заведения были причислены к самому низшему восьмому разряду. Наряду с фотографиями к 8 разряду были отнесены портновские, чулочные, сапожные мастерские, пекарни, кондитерские, бондарные заведения и др. (Адр. кн., с. 5). Для промышленных предприятий первых 5 разрядов оклад основного промышленного налога составлял соответственно 1500, 1000, 500, 150 и 50 рублей повсеместно, для последних трех разрядов сумма налога зависела от класса местности, в которой находилось предприятие (ПС33, № 15601). Вся территория империи по видам местности была разделена на «столицы» и 4 класса. Самый высокий промышленный налог был установлен для фотографических заведений, расположенных в столичных городах, и составлял он 6 руб. в год. Соответственно для местностей I класса – 5 руб., II – 4 руб., III – 3 руб., IV – 2 руб. (Адр. кн., с. 49).

Технические усовершенствования фотографического процесса, происходившие на протяжении 50–60-х годов XIX столетия, привели к значительному удешевлению фотографического производства, сделали его более доступным. В этот период произошел переход от дорогостоящей дагеротипии к мокроколлодионному процессу, что привело к формированию категории лиц, для которых фотография стала основной сферой деятельности. Устав о цензуре 1865 г. регламентировал порядок выдачи свидетельств на право производства фотографических работ, ежедневную работу фотозаведений, контроль со стороны государственных органов. В целом владельцы фотографий редко нарушали установленные правила, исполняя Устав о цензуре. Они также являлись исправными налогоплательщиками. Во многом этому способствовала система проверки благонадежности лиц до выдачи свидетельства на право производства фотографических работ, которая уже на стадии выдачи разрешения не допускала к профессиональной деятельности в этой сфере лиц, не имеющих достаточных средств для начала собственного дела. В документах нет свидетельств о том, что какое-либо из фотозаведений в Казани было закрыто по причине неплаты налоговых отчислений.

Summary

R.R. Idrisova. State Regulation of Photographic Activity in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries.

The article analyzes the system of control over the photographic establishments, as well as the way they were taxed in the late 19th century in Russia on the basis of archive materials and legislative documents. Special attention is paid to the organization of registration of photographic establishments, the regulation of their opening and the daily activities of professional photographers.

Key words: photography, the Statute of Censorship, Central Directorate for Press Affairs, tax on trade, photographic establishment.

Источники

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 1 (Канцелярия казанского губернатора).

НА РТ. Ф. 114 (Казанская городская общая и шестигласная дума).

ВП – Высочайше утвержденные 14 мая 1862 года временные правила о надзоре за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями // Казанские губернские ведомости. – 1862. – Часть офиц. – № 27.

ПСЗ2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1867. – Т. 40.

ПСЗ3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – СПб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1901. – Т. 18.

Адр. кн. – Адресная книга г. Казани на 1906 год. Издание Б.Ю. Насакина. – Казань: Тип. А.М. Петрова, 1906 – Отд. 3. – С. 5–128.

Литература

1. *Морозов С.А.* Искусство видеть: очерки из истории фотографии стран мира. – М.: Искусство, 1963. – 272 с.
2. *Головня И.А.* С чего начиналась фотография. – М.: Знание, 1991. – 175 с.
3. *Чибисов К.В.* Очерки по истории фотографии. – М.: Искусство, 1987. – 255 с.
4. *Морозов С.* Русская художественная фотография: очерки из истории фотографии. 1839–1917. – М.: Искусство, 1961. – 152 с.
5. *Болтянский Г.* Очерки по истории фотографии в СССР. – М.: Госкиноиздат, 1939. – 224 с.
6. *Шипова Т.Н.* Фотографы Москвы (1839–1930): биографический словарь-справочник. – М.: Совпадение, 2006. – 366 с.
7. *Шипова Т.Н.* Фотографы Москвы – на память будущему (1839–1930): альбом-справочник. – М.: Мосгорархив, 2001. – 367 с.

Поступила в редакцию
29.11.09

Идрисова Римма Равефовна – начальник отдела музейных проектов и экскурсионной работы Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».

E-mail: rimma_citadel@mail.ru